Андрей Сметанкин

«Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ», ИЛИ АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Андрей Сметанкин

«Я помню чудное мгновенье», или Александр Пушкин

«Издательские решения»

Сметанкин А.

«Я помню чудное мгновенье», или Александр Пушкин /
А. Сметанкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-535977-3

Эта книга о жизни и творчестве, об открытиях и сомнениях, поисках и утратах, о силе воли и духа великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

ISBN 978-5-00-535977-3

© Сметанкин А.
© Издательские решения

Содержание

ПРИТЧИ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ 6
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА 9
Ответное письмо 9
Я помню чудное мгновенье, или Александр Пушкин 13
Зимний друг в Михайловском 19
Конец ознакомительного фрагмента. 25

«Я помню чудное мгновенье», или Александр Пушкин

Андрей Сметанкин

Посвящается Элле Картошкиной

© Андрей Сметанкин, 2021

ISBN 978-5-0053-5977-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРИТЧИ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Как говорят мудрые и терпеливые люди:

«Если хочешь кого-то обидеть, то посчитай до ста, если хочешь кого-то ударить, посчитай до тысячи, если хочешь кому-то сделать больно, посчитай до миллиона».

И ещё говорят мудрые и терпеливые люди:

«Один путник в сердце тяжёлого изнурительного пути встретил редкий источник чистой воды. Человек наклонился, вдоволь утолил свою жажду и затем углубил дно, укрепил и украсил камнями берега, очистил воды от грязи и сора. А после, с лёгкой душой продолжая свой путь, благодарил небо и родник за усладу и отдохновение.

Время спустя, другой путник устало опустился на колени перед родником и также утолил свою жажду. Уходя, он побросал в воду все прибрежные камни, замутил воду, плюнул в источник и пошёл по свету с известием о том, какая гадкая и горькая здесь вода, что и отравиться можно. И многие люди поверили ему, сами не видя этого родника, не испив его малой капли…»

***И ещё говорят мудрые и терпеливые лю*ди:**

«Один зрелый человек разворошил муравейник и стал глумиться над беззащитными муравьями. К нему подошёл старик и спросил:

– Уважаемый, что ты делаешь? В чём несчастные муравьи провинились пред тобой?

– Они съели мой хлеб, – ответил сердито человек, – который я заработал за три дня.

– Хорошо, – сказал на это старик, – я тоже заработал хлеб, но за месяц, и он от этого не стал хуже твоего, уважаемый. Я готов отдать его тебе и выкупить муравьёв за одну золотую монету – моё единственное богатство, не считая чести и достоинства, здоровья и жизни?!

– Конечно! – охотно согласился человек. – Старик, я благосклонно принимаю твои дары и благородно прощаю муравьёв!

Человек взял хлеб и деньги от старика и ушёл, посмеиваясь над последним, принимая его за блаженного, искренно полагая, что сам ничего дурного не совершил. Эка невидаль, подумаешь, обидел там каких-то муравьёв?!

Старик же сразу принялся восстанавливать муравейник. Каждый день ухаживал за ним, и муравейник возродился – стал лучше прежнего. Пожилой человек всегда делился с муравьями своим хлебом, не ожидая никакой благодарности от этих мелких божьих тварей, и общался с ними, как с родными людьми.

Когда же старик умер, а его похоронили по законам веры, и тело предали земле, то вскоре со всех нор и щелей полезли муравьи. Каждый из них нёс по золотой монете. Муравьи спешили к могиле старика и обкладывали золотом свежий надгробный холмик. И золота получилось столько, что вырос целый золотой холм…»

И ещё говорят мудрые и терпеливые люди:

«В далёких джунглях жили три мудрые обезьяны. Их мудрость была далеко известна. К ним за помощью и советом приходили и животные дикого леса, и люди, живущие в джунглях и за их пределами. И каждая просьба, каждый вопрос не оставалась без внимания, не оставался без ответа.

Однажды утром к ним пришёл ребёнок спросил у трёх мудрых обезьян, почему светит солнце. Долго думали обезьяны. Уже солнце скатилось с зенита и поспешило к югу.

Только вопрос остался без ответа.

Тогда одна из обезьян закрыла себе глаза, как бы давая понять, я всё слышу, но ничего не вижу и потому ничего верного сказать

не могу. Другая обезьяна закрыла себе уши, как бы давая понять, я всё вижу, но не слышу вопроса, и потому ничего верного сказать не могу. Третья обезьяна, посмотрев на своих подруг, и закрыла себе рот, как бы давая понять, я всё вижу и слышу, но, увы, ничего верного сказать не могу.

Подождал-подождал ребёнок, искренно надеясь, что мудрые обезьяны найдут-таки верный ответ и порадуют своей мудростью. Но не дождался. Ближе к закату он покинул трёх мудрецов, вышел из джунглей и оказался на берегу океана. Каждый вечер солнце опускалось в океан, чтобы утром снова взойти и порадовать теплом и светом окружающий мир.

– Солнце светит потому, что оно любит, – сказал ребёнок, вскинул руки и взмахнул ими, как двумя крылами.

Он маленьким лучиком вернулся к затихающему огненному диску, и всё погрузилось во мрак…»

И ещё говорят мудрые и терпеливые люди:

«В одном городе жил поэт. По ночам он писал стихи, а по утрам ходил по улицам города и читал горожанам свои поэтические строки. Только горожане были заняты собст-

венными делами и ничего не видели дальше личных или семейных проблем, чем и ограничивались их интересы и окружение.

Поэт же щедро делился с горожанами теплом своей души, своей любовью к людям, ничего не требуя взамен. Он желал лишь одного, чтобы его выслушали. Только люди, обложенные красными флажками сиюминутных дел и загнанные в ловушки повседневной суеты, не понимали его и не замечали. И потому они гнали от себя поэта, как надоедливую муху, от которой надо избавиться. Люди иногда равнодушно проходили мимо его творчества, Иногда били его словами и руками, искренно полагая, что поэт ниже их достоинства.

Тогда поэт уходил из города в горы, где читал свои стихи, обращаясь к лесу, небу и солнцу. И когда он читал свои стихи, то на голос его речи выходили из леса и слетались со всей округи звери и птицы. Заслышав первые строки, уходили тучи, и спадала жара, прекращался дождь и снегопад, утихали буря и землетрясение. Силой своего поэтического слова поэт передвигал камни и скалы и силой мысли пробивал дорогу для нового ручья.

Но проходило время, стихи иссякали, день клонился к закату, и поэт к вечеру возвращался в город, чтобы поутру снова выйти к горожанам и читать им свои стихи. Он продолжал дарить свою душу, её тепло и мудрость, её свет и любовь, которые никому не были нужны в этом городе…»

И ещё говорят мудрые и терпеливые люди:

«В один тёмный сарай привели слона и оставили там. После пригласили трёх мудрецов, которые никогда не видели слона и не знали, кто это или что это? Мудрецов также привели в этот тёмный сарай и там оставили на некоторое время: одного – у хобота, другого – у бивня, третьего – у хвоста. Когда же мудрецов вывели на свет и спросили, что такое слон, то первый ответил, что это – труба, второй – рог, третий – верёвка…»

Такие мысли были навеяны вместо предисловия. Пусть читатель сам размышляет над этой головоломкой и расставляет правильные и нужные акценты.

Андрей Сметанкин,
Душанбе, Таджикистан,
24.09. 2015.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА

Ответное письмо

Уехал Дельвиг, друг прекрасный,
Союзник шалостей лицейских,
Судья невежеству бесстрастный,
Гроза жандармов, полицейских.
И снова я остался с няней,
Где одиночество поэта,
По существу моих признаний,
Лишь в пустоте двора и света.
Да что мне свет? Там всё мне скучно —
Поговорить там не с кем толком,
А здесь метель взывает звучно,
Шагая властно по просёлкам…
Пришло письмо от Воронцовой,
И вот сижу я перед печью —
Не откажусь от встречи новой,
Хоть и побьют меня картечью.
Я помню всё: и берег моря,
И камень тот, где мы сидели
И волны слушали, им вторя, —
Волнами сами быть хотели.
Что ныне пишет Воронцова?
О, как мне дорог почерк милый,
Знакомо перстня впечатленье
Сейчас душе моей унылой,
Коль надо сжечь письмо без гнева.
Сгорит в огне пусть без обиды —
Так Муза дней поёт мне слева,
А справа Пан ворчит побитый.
Елизавета попросила,
Как в прошлый раз, всё уничтожить.
Огонь, чудовищная сила,
Сумеет сжечь и приумножить
Мои печали и страданья
По мне утраченной свободе.
Настало время увяданья?
Мне двадцать шесть! Тружусь я в поте
Для сердца горестной отчизны
И для народа, что бесправный.
Зачем меня винить в софизме,
Моя печаль, мой недруг равный?
Но надо сжечь сейчас до буквы
И не оставить даже точки —

В огне сгорят и «фетр» пухлый
И «зла» забавные крючочки.
Пока ж на краткое мгновенье
Запечатлеть письмо желаю —
Великий шторм и дуновенье,
Я то дрожу, а то пылаю!
Вот сверху вниз рука бросает
Бумажный лист в огонь шумящий,
И лист трагично зависает —
Так устрашает зной палящий…
Огонь безумствует всё пуще,
Ему всё мало этой жертвы —
Я слышу гнев его ревущий
И вижу тягостные жерла.
Я отхожу – мне рядом страшно,
А он следит за мной коварно…
Иль провести мне вечер брашно,
Иль с листом сгореть мне парно?!
Вот страх прошёл. Вернулась няня
И у печи закрыла дверцу —
Пришла, как солнце, без обмана,
И в тишине согрела сердце
Своей бесхитростной любовью,
Как было это в давнем детстве,
Когда дышалось свежей кровью
И был я с радостью в соседстве.
Она накрыла вскоре ужин,
А после спела о Салтане,
И мне пришло, что людям нужен,
Дух стихотворца не устанет.
Ещё объемлет всю планету,
Войдёт в открытые пределы
И, уподобившись рассвету,
Во все концы направит стрелы
Великодушья и признанья
Всех человеческих явлений,
Своих надежд и упованья.
А мир пробудится от лени,
И, сбросив наземь цепи рабства,
Освободившейся душой
Построит храм земного братства
И заживёт большой семьёй.
Окончен ужин, убирает
Слезу с лица моя Арина,
Затем посуду и вздыхает —
Страдает, словно мать за сына.
Ах, няня, чистое сознанье,
Моих трудов товарищ верный,
Оставь в ночи своё страданье —

Я пред тобой всегда примерный.
Ведь ты не царь, чтоб мне склоняться,
Но добрый бог моей судьбины —
Нельзя без творчества слоняться,
Пока пенаты столь терпимы.
Не оседлать ли мне Пегаса,
Придти к Парнасскому владыке,
Очаровать свободой гласа?
Пусть зрелый слог звучит на стыке
Земных эпох и вдохновений,
Как справедливости радетель,
И шаг грядущих поколений,
Чему талант живой свидетель.
Она ушла, моя старушка,
И я в ночи один остался.
Так выпьем, что ли? Где же кружка?!
Лишь смех совы в ночи раздался…
Вернулся мыслей к Воронцовой,
Бумагу взял, перо, чернила
И стал писать я образцовой
Своё послание ревниво…
Что ревновать? Что пользы в этом?
Я лишь ревную от печали,
Что и в конце служить поэтом
Всё так же трудно, как в начале,
Когда свой первый слог свершаешь
Иль говоришь под солнцем слово, —
Одну любовь ты только знаешь
И ничего на сердце злого…
«Всё в жертву памяти я брошу —
И голос лиры вдохновенной,
Своих стихов былую ношу
И горечь плоти воспаленной,
И трепет ревности минувшей,
И мрак холодного изгнанья,
Меня надеждой обманувший,
Что обрету твоё признанье.
Ты, красота желанных мыслей
И мщенья бурное стремленье,
Даруй покой небесных высей
И поэтическое рвенье
И забери моё страданье,
И надели меня отрадой —
Прими печати воздаяний,
И это станет мне наградой.
Ты мне пиши, как можно чаще,
Не оставляй меня в унынье —
Другой любви не ведал слаще
И здесь не ведаю поныне.

Моей души лишь ты хранитель,
Тебе одной я доверяю —
Ты мой спаситель, избавитель
И верный путь к земному раю:
Душой стремлюсь, по жизни зная,
В разлуке горестно скучаю
И, на взаимность уповая,
Тобой живу, в мечтах – летаю!»

06.11. 011 – 09.09. 2015

Я помню чудное мгновенье, или Александр Пушкин

И вот однажды, в летний вечер,
Когда стояла благодать,
Я приказал запрячь лошадку —
К себе соседи стали звать.

Давно я не был у знакомых,
Уже забылись вечера,
И не ласкала кровь мне душу,
Как будто умер я вчера.

Пора, пора, пора мне ехать —
Трястись под чарами луны,
Чтоб вновь услышать разговоры
О мрачном будущем страны.

В Тригорском вновь увидел Анну —
Нашёл её в кругу друзей,
Та озаряла скучный раут —
Была прекрасней и мудрей.

Впервые встретил в Петербурге —
Был у Оленина в гостях, —
И вот сегодня выпал случай
С улыбкой тихой на устах

Увидев снова, я смутился
И поклонился резко ей,
Держа в руках большую книгу;
Поднялся шум среди гостей.

«Приехал Пушкин!» – зашумели
И все воззрились на меня.
Я ж к слугам тихо обратился,
Чтоб те прибавили огня.

Рукой огладив чёрный бархат,
Открыл же книгу и затих —
Открылись ножки и головки,
Что на полях венчали стих.

«Принёс я книгу для хозяйки, —
Проговорил, – и в этом суть!»
И тотчас гости обступили —
Поэму вынес я на суд.

Я встал привычно у камина,
Щадя внимание гостей,
«Цыганы» стал читать напевно —
Таких не знали новостей.

И некий дух гостей обуял —
Сидели люди, присмирев.
Моя же речь рекой свободной,
Текла в сердца, волнуя нерв.

И каждый видел пред собою
Моих цыган, каков закон
И жизнь, свободную, как песня, —
Ей не придумашь загон.

Слова кружилась в вечном танце,
Алели каплей на ноже
И тихо к западу клонились,
Чтоб стать легендою уже.

Но вот уста мои сомкнулись,
И наступила тишина,
А в тишине трещали свечи;
Мне поднесли бокал вина.

И после Анна нежно спела
Венецианскую же ночь,
Пленила дух, что растерялся.
Собрался встать – убраться прочь

Иль поцеловать при всех особу,
В душе приветствуя слепца,
Умом картину всю представив
От первой ноты до конца,

Как ночь весенняя дышала
Той огневою красотой,
И тихо Брента протекала
Под серебристою луной.

(Когда писал письмо Плетнёву,
Просил Козлова поощрить
И сообщить, что эта песня
Сумела сказку подарить!

Ещё просил сказать открыто,
Что ныне слушал всей душой,
Как обаятельная дама
Открыла песней мир большой.)

Растаял вечер, ночь вступила,
И гости чинно разошлись…
Она и я искали встречи —
Как нам исправить нашу жизнь?

…Минули дни, мы повстречались —
Подруга общая свела.
Постриг я ровно бакенбарды:
Да увенчаются дела!

А после ужина – прогулка
В мою докучную тюрьму.
Встречай, постылая берлога,
Её же свет, мою же тьму!

Была чудесною погода,
Сверчки трещали под луной,
И аромат полей тревожил…
А в голове – туман густой…

Какая чудная обитель
Тот мир, в котором мы живём!
Вдвоём гуляли по аллеям,
Смеялись весело вдвоём.

Тогда шутил я без сарказма
И обходился без острот,
Душа и сердце ликовали:
Случился в мыслях поворот!

Был добродушным и любезным,
Чем гостью сильно удивил —
Я не назвал луну глупышкой,
Но красотою объявил,

Когда собою освещает
В ночи прекрасное лицо,
Тогда ничто не замечает,
Как время катит колесом.

Тут Анне быстро подал руку
И что есть духу побежал —
И побежал я скоро, быстро —
Амур сразил бы наповал.

Не вынес бы такой награды,
Земного счастья за труды —
За школу дней моих суровых

И вдохновение груди.

Шесть лет нечаянной разлуки
Чредой прошли, как час один.
И наша встреча состоялась!
К чему душевный карантин?!

Душе настало пробужденье
От тягот мелочных обид —
Вернулось сердцу вдохновенье,
И дух во мраке не скорбит!

Забилось сердце в упоенье,
И для него воскресли вновь
Былые лица и картины,
И жизнь, и слёзы, и любовь…

…Глубокой ночью я вернулся
В своё докучное село,
Засел за стол, перо – в чернила,
Когда свиданье увлекло.

Так увлекло теченьем чувства,
Что без помарок набросал:
«Я помню чудное мгновенье…» —
И мысли к сердцу привязал…

И вот настал день расставанья,
В Тригорском снова был обед —
Все провожали Анну в Ригу…
Останусь вновь один средь бед…

В июле вышел мой Онегин,
А девятнадцатого дня
Я подарил радушно книгу —
Глава лишь первая одна.

Нашла листок, как знак прощанья,
Средь неразрезанных страниц,
Что Анна Керн собралась спрятать.
Как спрячешь чайку средь синиц?!

Смотрел в глаза ей слишком долго,
А после выхватил листок,
И отдавать мне не хотелось —
Здесь был конец и мой исток.

Смешалось всё в моём сознанье —
Печаль и радость, всё одно:

«Я помню чудное мгновенье…»
Минули дни, и где оно?

Холодный страх обуял душу —
Страшился Анну потерять:
Недолго мне писать осталось,
Поля рисунками марать…

Меня насилу убедили
Вернуть чудесные стихи…
Я тихо просьбе улыбнулся —
Сегодня плакать не с руки.

Негоже плакать мне, мужчине, —
Давно на беды не пенял.
Молчи, возвышенная дама.
Судьбу нельзя сложить в пенал…

«Тебя я больше не увижу…» —
Сказали оба без слезы,
Друг другу мы подали руки…
Расстались в небе две звезды…

…Хоть не мила мне прелесть ночи,
Теперь гуляю по ночам —
Гуляю там, где мы гуляли, —
Краса всё грезится очам.

А сердце плачет, сердце ноет,
И я твержу: ты здесь была!
И на столе ласкаю камень;
Споткнулась пятого числа…

Ласкаю ветвь гелиотропа,
Пишу под ним свои стихи —
Они слагаются дыханьем,
И, как дыхание, легки…

Болел я долго милым чувством
И по аллеям всё бродил,
Переживал и волновался,
И чувство светлое родил.

Семь длинных писем, семь посланий
Я на французском языке
Вдогонку женщине отправил
Печатью перстня на руке.

Я покорился, преклонился

Пред вдохновенной красотой —
Назвал, волнуясь, «чудотворной»
И красоту воспел строкой.

Мелькнуло робкое виденье…
Как мне почувствовать его?
«Я помню чудное мгновенье…» —
Оно дороже мне всего!

15/04 – 08.09. 2015

Зимний друг в Михайловском

Владимиру Копице

«Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой.
Приди ко мне на рюмку рома,
Приди – тряхнём мы стариной», —
Писал поэт из южной ссылки
В письме кому-то из друзей —
Из головы, как из копилки,
Он выбирал картины дней.
Теперь в Михайловской печали,
Вдали от света и балов
Поэта музы увенчали —
Подняли гений средь умов.
Без долгих мыслей добрый Пущин
Решил устроить свой визит —
В словах и мыслях не распущен,
И в нём надменность не сквозит!
Когда же был проездом в Пскове,
Купил шампанского Клико
Аж три бутылки, наготове,
И на санях пошёл легко.
Ворвался с маху он в ворота,
И чуть не выпал из саней
Противник царского оплота
И самый первый из друзей.
Вот, выйдя скоро без запашки,
Увидел друга на крыльце —
Тот босиком в одной рубашке
Стоял с улыбкой на лице.
Стоял с поднятыми руками
Среди растроганной зимы —
Не примирился он с врагами
Ни на лице, ни со спины.
И Пущин бросился навстречу,
Страшась же друга застудить.
Увидит ли ещё предтечу,
Кто может скипетр судить?
В заиндевевшей напрочь шубе,
В такой же шапке на боку,
Когда катился час на убыль,
Махнул к поэту на скаку
И быстро сгрёб его охапкой —
С собою в комнату увлёк
И любовался тихой сапой.

В печи раздули уголёк,
Расцеловались, друг на друга
Воззрились, будто в первый раз, —
Не разлучит опалы вьюга,
Не замутит разлука глаз…
Арина вскоре прибежала,
Застав в объятиях двоих, —
Та мудрым сердцем понимала:
Поэту быть среди своих!
Она, как мать, обняла гостя,
А тот едва не задушил —
Сам, не считаясь за прохвоста,
Не знал добрей её души.
Друзья, отпив горячий кофе,
Уселись с трубками за стол,
Пошла беседа – в каждом слове
Для них открылся светлый дол.
Они смеялись, веселились,
Травили байку, анекдот —
Как дети малые, резвились:
Доволен этот был и тот.
Вот Пущин вдумчиво промолвил,
Что знает Пушкина народ
И благодарно приготовил
Своей любви заветный плод;
Что имя сделалось народным —
Поэта знают все вокруг;
Что скоро станет тот свободным
Среди друзей, объятий рук.
Пройдёт унылое изгнанье,
Вернётся Пушкин в Петербург —
К нему придут иные знанья
В кругу испытанных подруг.
Его подруги – это музы,
Где увенчав талант венцом,
Они продлят с поэтом узы,
Склонив главу пред мудрецом.
«Как ныне в Северной Пальмире?
И как лицейские друзья? —
Спросил поэт. – Как нынче в мире?
Теперь в Михайловском нельзя
Своё перо держать в пенале.
Четыре месяца прошло,
Как дух едва не распинали, —
Над добротой глумится зло.
Теперь я каждый день усердно
Тружусь и с музою в ладу
Справляю срок, служа ей верно;
Моя печаль горит в аду!»

Услышав речь сию, нахмурил
Нежданный гость высокий лоб.
Что скажет он, предвестник бури?
Упрятать истину в салоп?!
«Молчать не стану, друг любезный,
Без дел в столице не сидим —
Любой из нас в делах полезный, —
В союзе тайном состоим.
Устали мы, мой друг, от рабства —
Должна Россия встать с колен,
И ради будущего братства
Мы обрекли себя на плен,
Идя к единственной идее, —
Народу вскоре вольность дать,
Чтоб впредь не смели лиходеи
Народный дух в грязи топтать!»
Он замолчал. Друзья вздохнули.
Поэта гость расцеловал.
Минуты крыльями взмахнули,
И дух борьбы к друзьям воззвал.
Возникла светлая надежда
На сердце каждого из них,
Пройдут года, сойдёт невежда —
Оставит трон, сгорит в огне.
В огне народного волненья,
Из пепла дней взойдёт страна,
Как плод гражданского боренья,
И люди вспомнят имена
Отдавших жизни за свободу,
Придя почтить геройский прах:
Не жили те царям в угоду,
И был борцам неведом страх.
Мгновеньям праздным потакая,
Обед уж скоро подошёл,
И пробка хлопнула, другая —
На сердце стало хорошо.
Друзья тотчас подняли тосты
За свет отчизны и Лицей.
Душой открыты и не постны
Подняли тосты за друзей —
Кого уж нет, и кто далече,
На рудниках и в кандалах.
И, наконец, без долгой речи,
Как зачинатели в делах,
За Революцию сказали
Последний тост мои друзья,
Блаженство духа испытали.
(Сейчас того понять нельзя…)
Бокалом няню угостили

И завершили свой обед —
Поговорить не упустили,
О чём гудит культурный свет.
«Гремит сегодня Грибоедов.
Прочти вот «Горе от ума» —
Здесь голова семи советов,
Рука умелая видна!» —
Промолвил Пущин и поэту
Отдал комедии листы,
А тот, свечой прибавив свету,
Листы духовной чистоты
На руки принял осторожно,
Страницы бегло просмотрел.
Тот пишет ровно, непреложно.
Как Грибоедов преуспел!
И Пушкин стал читать новинку,
Отметив сразу чистый слог
(*«И подложил наш тёзка свинку —*
Заговорил, как новый бог!»).
«Нельзя скрывать, стихи прекрасны,
И часть – в пословицу войдёт, —
Заметил Пушкин. – Автор ясный,
Но Петербург его не ждёт…»
Вот дверь тихонько отворилась,
И появился рыжий поп,
Натура Пушкина смутилась,
Склоняя рифму «рыжий лоб».
Как полицейский, так духовный
Предписан властью был надзор
За резкий ум его греховный
И за безверия позор.
Так по предписанной причине
Игумен часто заходил,
Неся любезность на личине
И за спиной – надёжный тыл.
Тут спешно рукопись убрали,
Открыв затем духовный том:
«Минеи мы…» – друзья соврали,
А поп: «Да славен этот дом!»
Хотя видна на нём сутана,
В себя возлил хороший ром,
Добавил чаю два стакана,
Сказал: «Merci!» – и вышел вон.
И снова рукопись достали,
Её продолжили читать —
Слова уверенность давали:
Талант и в ссылке не унять!
Но вскоре Пушкин извинился
И, вынув чёрную тетрадь,

Лицом немного изменился
При виде счастья и утрат —
Пред ним ключом забили строки,
Его цыганы встали в ряд,
Им не грозят забвенья сроки,
Чему поэт безмерно рад.
Когда читать ещё приснится?
Поэт стоял к столу спиной:
В одной руке держал страницы,
Жестикулировал другой,
А позади сидела няня —
Связать носки господь ей дал.
Поэт читал наброски плана,
А Пущин в кресле наблюдал.
Так ногу на ногу закинув,
Сложивши руки на ноге,
Сидел, как царь, свой трон придвинув,
С улыбкой светлой на лице.
Сидел лицом к лицу поэта
И не сводил открытых глаз —
В словах он видел много света,
А в свете слышал чудный глас.
Но другу, Пушкину всё мало
(В своей берлоге захирел —
Коль нет общенья, не до сала) —
Поднялся духом наш пострел.
Ковчег цыган обосновался
На время чтенья средь друзей —
Поэт изрядно постарался…
Не вышел ль табор, как музей?
Но нет, напрасны эти страхи —
Его поэма обрела
Живую плоть. Без всякой драки
Пронзает душу, как стрела.
И Пущин был весьма доволен:
Ему явилось наяву,
Поэт собой гордиться волен,
Презрев гоненья и молву…
…И друг увидел мыслей бег
Между реальностью и снами,
«Как вольность, весел был ночлег
И мирный сон под небесами»
Цыган, что шумною толпой
По Бессарабии кочуют,
А в этом мире под луной
Талант противники не чуют.
Старик, Алеко и Земфира
Вдруг воплотились средь ночи,
Как будто вышли из эфира.

Читай же, Пушкин, не молчи!
И тот читал всё вдохновенно,
Не замечая бег часов,
А Пущин видел откровенно
Картины яви, а не снов.
Старик пред углями сидел,
Согретый их последним жаром —
Живой фантазии удел,
Что назовёшь лишь божьим даром?!
Старик к печи клонился ближе
И что-то тихо говорил,
И Пущин видел, отблеск лижет
Разлёт бровей – могучих крыл.
«Средь нас вольнее птицы младость;
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем даётся радость:
Что было, то не будет вновь!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.